

М. П. ЛЕПЕХИН

«ДВОРЯНИН-ФИЛОСОФ» В КРУГУ ПОЧИТАТЕЛЕЙ

(Новонайденные материалы о литературно-художественном окружении Ф. И. Дмитриева-Мамонова)

Творчество Ф. И. Дмитриева-Мамонова на более чем вековом протяжении является объектом пристального внимания историков литературы; прежнее представление о «дворянине-философе» как о самодуре-графомане¹ уступило место более правильному представлению о нем как об убежденном вольтерянце, создателе оригинальной утопической системы и авторе небезынересных стихотворных произведений.² Однако до сего времени вне поля зрения исследователей оставался круг его литературных связей и знакомств.

В отделе редкой книги БАН нами был обнаружен коиволют из двух произведений — «Епистола» П. Денбовеца и «Оды» М. Угрюмова,³ а в отделе гравюры и рисунка ГМИИ — «Панегирик» В. И. Соловья;⁴ несмотря на то что ранее уже было известно о существовании «Епистола»⁵ и «Па-

¹ См.: Лонгинов М. Н. Биографические сведения о некоторых русских писателях и библиографические известия о их произведениях. — Русская старина, 1870, № 5, с. 465—470; Модзалевский Б. Л. Дмитриев-Мамонов Федор Иванович. — Русский биографический словарь, т. Дабелов — Дядьковский. СПб., 1905, с. 463—464; Венгеров С. А. Русская поэзия. СПб., 1897, вып. VI, с. 135—138.

² См.: Сиповский В. В. Философские настроения в русском романе XVIII века. — Журнал Министерства народного просвещения, 1905, № 5, отд. II, с. 71—77; Святловский В. Русский утопический роман. Пг., 1922, с. 31—32; Светлов Л. Б. Русский антиклерикальный памфлет XVIII в. (Ф. И. Дмитриев-Мамонов. «Дворянин-философ». Аллегория). — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. М., 1956, т. IV, с. 394—412.

³ БАН, ОРК, инв. № 36909.

⁴ ГМИИ, ОГР. Собрание Д. А. Ровинского. Портреты, т. 17, № 2716; к сожалению, для Ровинского «Панегирик» представлял лишь один из ранних портретов Дмитриева-Мамонова V типа, причём принадлежащий резцу нелюбимого им В. Иконникова, а посему Ровинский написал на картоне рядом с «Панегириком»: «чрезвычайно редкая брошюра» — и варварски приклеил страницу с окончанием текста к картону. За расклейку «Панегирика» и присылку мне окончания текста выражаю благодарность Н. И. Александровой.

⁵ Новиков Н. И. Опыт Исторического словаря о Российских писателях. СПб., 1772, с. 156; Мельникова Н. Н. Описание изданий, напечатанных в типографии Московского университета. М., 1966, с. 86. № 488.

негирика»⁶ в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» они упомянуты не были. Все произведения, кроме «Епистолы», известны в единичных экземплярах; последняя известна, кроме вышеуказанного, также в экземплярах БАН и ГБЛ.

Все три произведения представляют собой целногравированные издания в лист; все они напечатаны в типографии Московского университета, где печатались произведения и самого Дмитриева-Мамонова. «Епистола» датирована 1770 г., гравировал ее Филипп Лебедев, который до сих пор был известен лишь как автор выполненного черной манерой портрета св. Димитрия Ростовского, напечатанного на фабрике Артемьева.⁷ Теперь стало возможным говорить уже о двух принадлежащих резцу Лебедева произведениях, о выполнении им случайной работы в типографии Московского университета до поступления на фабрику Артемьева, а также о том, что он гравировал не только черной манерой, но и резал по металлу.

«Ода» и «Папегирик» напечатаны в 1773 г. — не указанный на них год издания легко устанавливается по помещенному изображению медали с портретом Дмитриева-Мамонова V типа (по Ровинскому) с надписью: «резана 1773 году». В пользу этой датировки говорит и то, что один из авторов — В. И. Соловей — прибыл в Москву в 1773 г. Оба эти произведения принадлежат резцу весьма плодовитого гравера 1750—1770-х гг. Василия Иконникова, который обучался гравировальному искусству в академической типографии, приобрел известность своими заставками и иллюстрациями к елизаветинской Библии и переехал в Москву, где устроился гравером в Московскую Синодальную типографию. По указанию Д. А. Ровинского, Иконников «много работал для известного чудотдея Дмитриева-Мамонова»;⁸ в самом деле, почти все произведения последнего были напечатаны Иконниковым в одинаковом оформлении. Начало творческого сотрудничества между предприимчивым гравером и «дворянином-философом» относится к 1762 г., когда Иконников исполнил портрет Дмитриева-Мамонова в окружении его изобретений. По словам Ровинского, «Иконников обучил своему мастерству Стефана Ефимова, такого же плохого гравера, как и он сам»; теперь можно говорить о втором ученике Иконникова — Ф. Лебедеве, чья творческая манера совершенно неотличима от иконниковской. В 1770-е гг. Иконников был перегружен заказами Дмитриева-Мамонова: в 1769 г. он напечатал издательский конволют, состоящий из перевода «Любовь Псиши и Кушидона» Лафонтена и аллегории «Дворянин-философ», в 1770 — потребовавшую отменного трудолюбия «Славу России, или Собрание медалей дел Петра Великого»⁹ и «Епистолу от генерала к своим подчиненным», а в 1772 г. — «Поэму Любовь», т. е. все изданные к тому времени произведения «дворянина-философа»; вполне возможно, что ввиду перегруженности заказами Иконников мог поручить напечатать «Епистолу» в той же типографии под своим руководством и надзором Лебедеву.

Сотрудничество Дмитриева-Мамонова и Иконникова продолжалось более двух десятилетий. В 1779 г. на Ахметьевской фабрике была напечатана гравированная Иконниковым двулистная «Система Федора Ивановича Дмитриева-Мамонова дворянина-философа. То есть система новая, обстоятельная сложения света, изданная в 1779 г. в Баранове» (к тому времени в результате происков жены Дмитриев-Мамонов почти безвыездно проживал в своем взятом в опеку смоленском имении Бараново). Два открытых листа этой системы содержат опровержение заблуждений Птолемея,

⁶ Сопиков В. С. Опыт российской библиографии... СПб., 1816, т. IV, с. 115, № 8069; Ровинский Д. А. Подробный словарь гравированных портретов. СПб., 1886, т. 1, с. 600.

⁷ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. СПб., 1895, т. 2, с. 400.

⁸ Там же. т. 1, с. 406.

⁹ Иверсен Ю. Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1883, вып. V, с. 381—383; Губерги Н. В. Материалы для русской библиографии. М., 1878, вып. 1, с. 164.

Тихо Браге, Коперника, Декарта, а также описание открытий самого Дмитриева-Мамонова: так, например, в первом листе утверждается, что смена времен года происходит от движения Земли вокруг Солнца не по определенной орбите, а за счет их взаимного между собой сближения и удаления; во втором листе доказывается, что ветры образуются от вращения Земли.¹⁰ В переизданной в 1796 г. в Смоленске аллегории «Дворянин-философ», подвергшейся преследованию цензуры, была помещена гравюра с изображением Дмитриева-Мамонова, сидящего в своем кабинете и составляющего новую систему мироздания. Очевидно, гравюра подобного рода находилась и в переизданной там же в том же году «Поэме Любость», ни один экземпляр которой до сих пор не найден.¹¹ Более поздние работы Иконникова для Дмитриева-Мамонова нам неизвестны.

Экземпляры БАН («Епистола» и «Ода») имеют одинаковые подклеенные гравированные обложки с надписью: «К наук покровителю его высокоблагородию господину бригадиру Федору Ивановичу усерднейшему сыну отчества господину Дмитриеву-Мамонову» (обложки в счет страниц не входят); «Панегирик» же имеет обложку сходного оформления со слегка измененной надписью (входит в счет страниц и является первым листом тетради). Размер доски у всех изданий совпадает (328×246). В «Оду» и «Панегирик» вклеены изображения медали с портретом Дмитриева-Мамонова V типа; на обороте медали помещена раскрытая книга с заглавием «Дворянин-философ», обрамленная надписью по краям медали: «Осветил свет родом, разумом, честью и великолепием»; размер доски и высота букв совпадают. В начале каждого произведения помещена заставка с изображением стилизованного родового герба Дмитриевых-Мамоновых и надписью «Inclita virtus»; размер доски также совпадает. Все это может свидетельствовать о наличии замысла создать цикл однотипных по своему оформлению и объединенных единством тематики произведений различных жанров с возможным последующим объединением их в издательские конволюты, один из которых был образован позднее (БАН, инв. № 36909) путем склейки корешков мраморной бумагой начала XX в.

Следует сказать несколько слов об авторах всех трех произведений.

Из помещенных на обложке «Епистола» сведений известно, что Павел Денбовцев в 1770 г. был студентом Московского университета; возможно, что он и принятый 25.2.1770 г. на казенное содержание студент Павел Денбовский¹² — одно и то же лицо. Известны относящиеся к 1773 г. тезисы его диспута по вексельному праву:¹³ со 2 по 27 июня 1774 г. он сдавал экзамены за курс юридического факультета по вексельному праву, наставлению римских прав, истории российского права, римским древностям, английскому и французскому языкам; отзыв об его успехах гласил: «Посредственного понятия и прилежания. Поступок честных».¹⁴ По всей видимости, причиной появления «Епистола» явилась материальная необеспеченность автора по приезде в столицу, заставившая его прославлять

¹⁰ Ровинский Д. А. Русские народные картинки: Атлас. СПб., 1881, т. II, с. 283—284.

¹¹ Семенников В. П. Библиографический список книг, напечатанных в провинции со времени возникновения гражданских типографий по 1807 год. — Русский библиофил, 1912, № 3, с. 38, № 14; отд. изд.: СПб., 1912; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975, с. 69, № 476.

¹² Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Подгот. Н. А. Пенчко. М., 1963, т. III, с. 265.

¹³ Открытый лист этих тезисов находится в ЦГАДА; описание его см.: Мельникова Н. Н. Описание изданий, напечатанных в типографии Московского университета, с. 102, № 596.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 10, оп. 3, ед. хр. 216, л. 3. За сообщение этих сведений выражаю благодарность Н. Д. Кочетковой.

добродетели своего земляка.¹⁵ По словам Денбовеца, он «с самого малолетства не имел никаких сродственников, благодетелей и покровителей. часто старался искать милости моими в учености трудами у таких особ, которые богатством были изобильны, и кои могли весьма свободно снабдить меня в бедном состоянии», поскольку «все по свойству вышнему человеку от природы обязаны друг другу взаимное спомоществование делать». О последующих литературных опытах Денбовеца нам ничего не известно — очевидно, «Епистола» несколько поправила его положение: «Мамонов мне тогда блаженство даровал, Когда под бременем я бедности стонал, Ничто не повредит души моей покою, Когда сень крыл твоих прострется надо мною».

Биографические сведения о Михаиле Угрюмове еще более скудны. В 1773 г. он был учеником гимназии при Московском университете; из произведений его известна только «Ода». Версификаторские способности юного Угрюмова были по достоинству оценены Дмитриевым-Мамоновым: «С усердьем чтусь я почитати, Тебя, пока могу дыхати, Ничем отвержеи никогда». Обращенные к всевышнему владыке слова из «Предложения псалма 145» Ломоносова в корявой обработке Угрюмова были отнесены к «дворянину-философу», облик которого в сознании юного поэта превосходил все известные ему понятия: «И рим с тобой в сравнении мал!» Данный в «Оде» обобщенный портрет до мельчайших подробностей подвергся самому скрупулезному рассмотрению в последнем по времени написании произведении — «Панегирике» В. И. Соловья. Сохранившиеся сведения о священнике Василии Иваповиче Соловье позволяют опровергнуть сомнения, которые вызывал сам факт его существования.¹⁶ Документы Московской Синодальной конторы с достаточной полнотой освещают появление Соловья в столице. Во время эпидемии чумы 7.X 1771 г. скончался И. Дементиев — священник церкви Похвалы пресвятыя Богородицы, что в Башмакове (она находилась в Белом городе на Волхонке близ Каменного моста). Для сохранности церкви при входе в нее была поставлена полицейская будка, но и эта мера оказалась бесполезною за почти немедленной смертью будочника. По данным синодской ведомости, к концу 1771 г. из прихожан ее в живых осталось всего 5 человек, а причта не осталось вовсе, в связи с чем 26.10 1771 г. она была запечатана. 23.11 1773 г. на место Дементиева был приглашен из Переславля-Рязанского священник Николаевской в Ямском церкви Василий Иванов; Синодальная контора обязала его заплатить вдове своего предшественника «за дворовое и хоромное священническое строение» 177 рублей: в первый раз 50 рублей, а остальное — по 25 рублей в год; Иванов был предупрежден, что в случае отказа от платежа он будет немедленно отослан назад в Рязанскую епархию.¹⁷ К оценке строений Синодальная контора подошла с достаточной объективностью: строение было куплено в 1762 г. Дементиевым за 300 руб.; «за выжитые по день смерти годы, по указу Святейшего Синода, вычтено, считая на каждый год, по 10 рублей, на месяц — по 83 коп., на день — по 2½ коп. и строение осталось в 197 руб. 89¾ коп.; кроме того, вычтено за погоревшее в 1772 году 20 руб. 89¾ коп.»¹⁸

Следует сказать несколько слов о самом здании церкви и о приходе. Местность, где она была расположена, до конца XVII в. называлась Чертольем. В 1565 г. Чертолье отошло в опричнину и было занято дворами

¹⁵ Принадлежавший к числу достаточно знатных польских дворянских родов в России род Дембовских был внесен в VI часть родословной книги Смоленской губернии, где были расположены богатейшие поместья Дмитриева-Мамонова.

¹⁶ Поэты XVIII века. Л., 1972, т. 1, с. 429.

¹⁷ Сворцов И. А. Архив Московской Св. Синода конторы: Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. М., 1914, вып. 2, с. 499, 606, 610, 623.

¹⁸ Там же, с. 499.

опричников; при сносе церкви в 1933 г. под ее спудом была найдена каменная плита с надписью о захоронении там в 1570 г. убитого на Ливонской войне Малюты Скуратова-Бельского.¹⁹ В конце XVII—начале XVIII в. Волхонка становится районом, где живет знать — окольничий Ф. М. Ртищев, боярин князь П. И. Прозоровский, дворяне Шереметевых, Юшковых, Бутурлиных; позднее здесь помещались дворяне А. Д. Меншикова и царевны Екатерины Ивановны, перешедшие в 1742 г. к князю А. М. Черкасскому; не случайно близ церкви при раскопках было найдено несколько богатых кладов.²⁰ Церковь Похвалы пресвятыя Богородицы была построена в 1705—1707 гг. думным дьяком Д. М. Башмаковым на своем дворе (бывшее владение Ф. М. Ртищева) на развалинах церкви XV—XVI вв.; церковь сгорала в 1748 и 1768 гг. и оба раза отстраивалась. Позднее к ней был сооружен боковой придел во имя Николая Чудотворца, отчего в московском просторечии XVIII в. она называлась Николой в Башмачках. После эпидемии чумы приход совершенно обезлюдел, единственная богатая вкладчица Н. И. Нарышкина 28.8.1773 г. получила разрешение открыть у себя во дворе домовую церковь.²¹ С середины XVIII в. местность вокруг храма представляла собой заболоченный пустырь с редкими купеческими дворами, ходить по которому жители опасались из-за соседства наводивших ужас на всю Москву кабаков «Ленивка» и «Волхонка», ставших достойными преемниками знаменитого «Неугасимого».²² Середица 1770-х гг. явилась достаточно тяжелым временем для причта.²³

Несмотря на то что «Панегирик», по уверению его автора, «несть плод подлой страсти лицемерия или человекоугодия», облик и занятия Дмитриева-Мамонова были в нем описаны настолько чудесным образом, что Соловей поспешил сделать оговорку: «Все сие велико и дивно: но подлинно». Следует отметить хорошее знание Соловьем лагиского языка — в «Панегирике» постоянно обыгрывается гербовый девиз Дмитриева-Мамонова *Inclita virtus* во всех значениях: «Достигнувший до великих совершенств», «обладающий добродетелями, в добродетельных людях имеющий», «не столько славою своих предков, сколько собственными заслугами и вновь им приобретенной добродетелью славиться» и т. д. Достойно внимания, что «Панегирик» впервые сообщает о считавшихся утраченными поэмах Дмитриева-Мамонова: «Поэме Греко-восточного христианского благочестия» и «Поэме России».²⁴

В заключение следует упомянуть еще об одной работе В. Иконникова для «дворянина-философа»: портрете Дмитриева-Мамонова с надписью «Федор Иванович Дмитриев-Мамонов Полковник Нарвского пехотного полку с 1762 году»;²⁵ судя по изображенным книгам «Дворянин-философ»

¹⁹ *Сытин П. В.* Из истории Московских улиц. 2-е изд., пересм. и доп. М., 1952, с. 194; — следует отметить, что в «Материалах для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв.» В. Б. Гиршберга (Нумизматика и эпиграфика. М., 1960, сб. 1, с. 3—77) она не упомянута.

²⁰ Археологические раскопки Академии на новостройках в 1932—1933 гг. М.; Л., 1935, с. 74. (Изв. ГАИМК, вып. 109).

²¹ *Скворцов Н. А.* Архив Московской Св. Синода конторы, т. 2, с. 113.

²² *Кондратьев И. К.* Седая старина Москвы. М., 1893, с. 374.

²³ Об истории и тонографии церкви краткие сведения см. также: *Нистрем К.* Специальное обозрение Москвы с различиями всех церквей, монастырей и казенных зданий, составленное по официальным тонографическим сведениям и документам. М., 1846, с. 42; *Розанов П. П.* Описание московских церквей, учиненное московскою консисториею в 1817 году, с показанием когда церковь построены и от чего имеют названия своей местности. — ЦОИДР, 1874, № 4, с. 36, № 39.

²⁴ По сообщению Н. Д. Кочетковой, текст поэмы «Россия» хранится в ЦГАДА (ф. 18, оп. 1, ед. хр. 237/416).

²⁵ *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки: Атлас, т. II, № 550.

и «Генерал в поле», лист был напечатан не ранее 1770 г. Под портретом стихх:

О Ты который столь во свет родился честен;
Что свет тебе со всей корыстью не прелестен,
Лишь полностью пленен. Ты славою дел честных
Исправил множество сердец и нравов злых.
Усердность искрення твой вид изображает,
Усердность такова ж и надпись сочиняет.

Надпись принадлежит некоему Петру Попову; с достаточным основанием приписать ее кому-либо из известных нам лиц с этим именем и фамилией не представляется возможным.

Ранее было высказано мнение, что «Панегирик» Соловья является произведением самого Дмитриева-Мамонова;²⁶ основным доводом данного утверждения было отрицание существования самого Соловья, произведенного в «сельские священники»; согласиться с подобной аргументацией невозможно. Склонность Дмитриева-Мамонова к мистификации была общеизвестна. Так, при появлении анонимного доноса о «весьма страшном» совместном заговоре гвардейцев и канцеляристов Екатерина II писала сенатору М. Н. Волконскому (кстати, большому недоброжелателю «дворянина-философа»): «Покажи еще Архарову, не Мамонова ли чудеса...»;²⁷ ему же она писала по поводу объявления Дмитриева-Мамонова об открытии им для публики музея редкостей: «Подлинно ли он имеет в своем доме то, что в приветствии его написано?»²⁸ Сомневаться же в подлинности «Епистолий», «Оды» и «Панегирика» не приходится — настолько велико стилизовое различие как между самими этими произведениями, так и между ними и собственными творениями «дворянина-философа».

В публикуемых ниже текстах сохранена орфография подлинников; ъ и і передавы соответственно через Е и И; Ъ в конце слов опущен. Употребление знаков препинания и строчных букв соответствует подлиннику.

ЕПИСТОЛА

1

Любитель истины достойный дворянин
и ползе общества усердствующий сын
мамонов! просвети своим мою мысль светом
тебе союз вещей и сокровенных ведом.

Всему свету думаю небезызвестно, что человек для человека на свет произведен и что все по свойству влиянному человеку от натуры обязаны друг другу взаимное спомоществование делать; но какая тому причина, что сие толь изрядное свойство добродетели редкой сын отечества начертанное на своем сердце имеет: сие я думаю всякаго, естли кто рассуждать о етом станет, приведет в смущение, ибо || противиться самой природе кажется дело есть невозможное. Но когда посмотрим на дела человеческия и вникнем в их союз: то большую часть увидим людей, которые презревши сей дар человечества все свое стара-

2

²⁶ Поэты XVIII века, т. 1, с. 429.

²⁷ ЦГАДА, разряд VII, ед. хр. 2433, л. 1; цит. по: Сивков К. В. Полная политическая литература в России в последней трети XVIII века. — Исторические записки, М., 1946, вып. 19, с. 72

²⁸ Осмнадцатый век. М., 1869, кн. 1, с. 125—126.

ние и труды в том полагают, чтобы приобрести для собственных своих прихотей великое богатство, а об общем благополучии стараться и не подумают. Что естли бы всякой состав тела нашего для себя толко действовал? Без сомнения телу бы разрушиться надлежало. Когда по благоволению судьбы моей уклонился я в наук пристанище; то поверьте ваше высокородие; {ибо я вам как усердному представителю муз в мыслях моих изъясниться желаю} всегда о том старался, и ныне стараюсь, чтобы хотя малую какую ползую услужить моему отечеству; но при том разсуждая нынешних моих времен обстоятельства которые меня часто отвлекают от ревностнаго упражнения в науках; в великое прихожу сожаление, и приводя на мысль Августов век вождеденнейший для питомцов упражняющихся в учении, завидую щастию тех времен; ибо я с самага моего малолетства не имея никаких сродственников, благодетелей и покровителей, часто старался искать милости моими в учености трудами у таких особ, которые богатством были изобильны, и кои могли весьма свободно снабдить меня в бедном состоянии; но вся моя ревность и труды были тщетны. Ибо хотя они и казались быть просвещенными и благородство духа имеющими, однако чрезвычайная их склонность к самолюбию открывалась всегда людям ниже их состоянием. Не мало я сему удивляюсь, разсуждая, что когда нас самая природа на сей свет так произвела бездругих помощи сами собою продолжать жизнь не в состоянии: то отчего возрасла в людях такая склонность, что все единственно стремимся к при-³обретению самим || только себе пользе, а другим спомоществовать которых рок какой нибуть несчастный постиг, и обязанными себя не почитают. Что когда так, когда уже во всех людях вкоренилось сие самолюбие: то где мне бедному искать покровительства, дабы под оным мог я свободнее в науках простираться? У кого стану помощи просить к подкреплению моего состояния? Или кто покрайней мере безпристрастно сие мое сомнение разрешить пожелает? Ты Любезное отечество, ты пользуясь трудами своих Граждан ведаешь, кто сию толь изрядную и толь преизряднейшую добродетель напечатленную на своем сердце имеет? Уже меня некоторая ободряет надежда, когда представляю в мысли твое усердие, основанное на пользе общества. О добродетелию приукрашенный муж коль ты меня удивляешь премудростию дел своих! Самое отечество взирая на твои усердные труды, так к своим Гражданам Гласит: Любезные Граждане! что естли бы вы все такое разположение духа имели и такое усердие мне оказывали. В скором бы времени возросло щастие мое и ваше, в скором бы времени возревши я на свои области укрепленные вашим любви союзом, со спокойным и веселым духом рекла, добродетелию сынов моих веселяся. Сии и прочие знаки твоих добродетелей довольно меня уверяют что ты благосклонно призришь на мое прошение. О естли бы судьба благоволила видеть тебя своим мне покровителем, тобы отложив все безнокойства касающиеся к подкреплению моего состоя-

ния, крайнее приложил рачение к наукам и просветивши оными
свой разум веселым бы духом спс провозгласил:

Воззри отечество на сердце сего сына
для щастия людей цветет его судьбина
Мамонов мне тогда блаженство даровал
когда под бременем я бедности стенал
ничто не повредит души моей покою
когда сень крыл твоих прострется надо мною

*Вашего высокородия преданнейший слуга
Павел Денбовцев
студент Московского университета
гравировал старанием и иждивением оного студента
Филипп Лебедев 1770 года*

ОДА

1

Престань молчать О муза боле,
Престань стихи под слудом крыть.
В смущении в робости доколе!
Щитаться; и немую быть!
Воспой по долгу меценату
Который враг и мзде и злату;
Будь мне защитник меценат,
Будь мне подпора и отрада,
Когда ты был всегда ограда,
К тебе идущих русских чад.

Твои дела во ображаю
Нещетны к отчеству когда,
Достойным быть уж созерцаю
Похвал от всех таких всегда.
Достоинство похвал великих,
Воспел бы я; нет сил толиких,
Дел много оных и заслуг.
Никто изчислить их несилен,
Ты сколько ими изобилен;
Что скор; готов, дать помощь вдруг.

Сколь все твои дела приятны;
Столь их воспеть мой разум хил.
Оне во свете столко знатны;
О где возму нато я сил!
Когдаб под тению щедроты,
Я мог изречь твои доброты,
Тоб россы все мне наконец;
Согласноб воз благодарили,
До звезд меня бы возносили
И далиб мне хвалы венец.

О том я сожалею громко,
Что не имею сил таких,
Пред став к тебе я чтобы звонко;
Воспел в присудствии смертных сих.
Не зря нато, я прибегаю,
Себя и Музу посвящаю,
Прими к себе меня под кров;
Прими всегдашний нам предстатель,

3

Ты муз неложный обладатель,
И судия честных трудов.

Не знал бы я, не знал бы вечно,
Тебя и все дела твои;
К томуб мне небыл след конечно,
Процалиб мысли все мой;
Когдаб оне не воз вещали,
Умом меняб не освещали,
Чтоб я к тебе прибег под кров.
Вознес чтоб пред тобой глас громкой,
В пространности похвал и звонкой,
По сколко стоит то трудов!

4 Ты громко славился меж всеми,
Гремишь среди российских мест;
В спокойствии живешь; и теми;
Возносишься до вышших звезд;
Которы от тебя блистают,
Тобою славяся сияют,
Бодрится слыша его дух;
Приходит в робость, изумленье,
Взирая насие виденье;
Но само то славн множит слух!

Я в радости своей с слезами,
Судбу свою благодарю,
Что сердцем чистым и устнамп,
Изволилось царей царю,
Меня направить на желанье;
К тебе вознесть мое вещанье,
Ты в свете всех неоставлял;
О коль ты славой увенчался!
Что нам предстатель оказался,
И всяк тебя отцем назвал.

5 В приятном нынче вохищенье,
Стремящихся ликует дух,
Пред—ставя пред себя виденье,
Что пред вещает смертных слух.
Когда нас сонце озаряет,
Очам луч светлый представляет,
От радости мятется ум.
Венки зелены всюду вьются,
Приятны слухи раздаются,
Где славы громкой слышен шум.

По всюду слышу шум несется,
Спешит до поднебесных стран;
И всех в сердца глубоко льется,
Что ты напомощь всех избран.
Ликуют души восхищенны,
К тому на век вы посвященны,
Чтоб зря всегда на громкий звук;
По всюду в свете кой несется,
Чтоб знали вы кому плетется,
Венец хвалы от правды рук.

6 Ах естли б все дела открылись
Наружу вышедших жаров,
Тоб ночи в день переменились,

Среди смущенных всех паров,
Нам правды свет бы изливала,
И тоб задолжность признавала,
Как ныне, так всегда во век.
Та слава здесь гремит, и в понте,
Лишь сонце всходит в горизонте,
Ты слышим славный человек.

С парнасса Музы все подвиглись
И архи все с собой забрав,
Пред стать пред Аполлона тщились,
Чтоб много лет ты был нам здрав!
В трубы в тимпаны заиграли;
С плесканьем взвели и в сплясали;
Но о какой мне кант возпеть!
Предстателю и меценату,
Ты сердце в век сокрыл ко злату,
А в щедрости подобных нет.

Воззрю как на дела толики,
То дух мой в свет воззреть бодрит.
Я разных видов зрю здесь лики,
Различность та мой взор пленит.
Когда среди утех забавы,
Я зрю твой дом исполнен славы,
Там слышны в пиндарских устах:
Взмущают прах там звонки тони;
Там блещет огонь, и звучны громы,
И слух во свет в всех местах.

Не столь сияют в небе звезды,
Не столь красен авроры всход,
Не столь приятны всюду вьезды,
И рима верх не сих высот;
Не столь во древность знатны были,
Дела, как днесь твои пленили,
В различных зраках красоты:
Сияет дом твой позлащеньем,
И всех народов возглашеньем,
Внесен ты в небо высоты.

Но кая сила утомляет
Мой шумум пораженный слух;
Не злость гигантов ли являет,
И зиждет гору тел сих вдрут;
Не рекиль громко зашумели;
И хляби этны заревели,
Смутить чтоб злом, всей чести взор,
Ах нет; те страшные громады,
Здесь ждут от щедрости награды,
И радостных тму зиждут гор.

Плутон здесь вскрыл сокровищ недра,
И с златом пактол разлился;
Натура что имела щедрца,
Ея краса предстала вся.
Сапфиры с яхонтами блещут;
Рубин с смарагдом блески мецут
И помрачают взор очей
Со звезды небо тут дивится,
Земля что с новым светом зрится,
И сонце болше свет лучей.

Предстань надежда и отрада,
 Исполнь желание мое;
 О будь защита, и награда!
 Яви лице мне в дар свое!
 Как солнца свет потребно лету,
 Когда оно являет свету,
 Что им украшен всякий род,
 Что есть оно всех вдруг желанье,
 Что им есть смертных всех дыханье
 И что живет всех смертных род.

Так плод не жаждет мест жарчайших,
 Прохладность влажных росы;
 И сон под тенью дров густейших,
 Не столь приятен в жар часы,
 Как ваша мне нужна отрада;
 Да будет мне сия ограда,
 Которой сердцем столь я ждал.
 Столь в свете всех наук высокой,
 Столь разума в делах глубокой,
 Твоей защиты лишь желал.

К тебе я ныне прибегаю,
 Предстатель всех, имне патрон;
 К тебе молбу я возсылаю,
 Смотри на громкой славы звон,
 Что слава славу превышает,
 И честь тебя всегда венчает,
 Прими под кров мою ты честь;
 Сию надежду ощущая,
 В весельи робости не зная;
 О коль силна ума есть власть!

Щастлив уж тем и днесь стократно
 Что в сем живу златом веку,
 Где стар со малым без изъятно
 Блажат твоих щедрот реку;
 В брегах играя что бежала,
 Все дале путь свой продолжала,
 Являли рощи радость всем.
 Все птички приструях запели,
 Струи вод чистых зашумели,
 В веселии О тебе своем.

Не тщетно ныне веселюся
 Не всуе слезы уж пролью,
 И точно вновь переменюся,
 И вид совсем иной возму.
 Немню тебе я быть подобных;
 В делах; в добре и в чести сходных.
 О коль ты славен в свете стал!
 В войне ты меж героев славен;
 Огромен ты в дому и знатен;
 И рим с тобой в сравнении мал.

Сего героя толь позная
 О как взнесу мой слабый глас!
 Но всю надежду полагая
 На том что щедр ты всех для нас.
 О сколько славятся тобою!
 И ты для нашего покою,

С толикой радостью возвах,
И веки и места переходят:
Но славу вечну не изводят,
Где лик гремящих муж избрѣн

Возря на все сердца желанно;
Ему обоже помогай!
Продли Его всю жизнь сохранно!
И жизнь тем многим бедным дай!
Простри к нему свою десницу;
Имилостей твоих зенницу;
И в всех путях Его блюди!
В веде Его спокойно в старость;
Он людям всем рожден на радость;
И тем от бед его храни.

Ты ж свет лучей вовек без смертных
Которыми к нам блещешь ты;
Возри в сердца в желании верных,
Твои зреть в щастии доброты:
Мой дух усердем весь пылает,
Когда лишь токмо вспоминает,
Огромности твои всегда.
С усердем чтуть я почитати,
Тебя, пока могу дыхати,
Ни чем отвержен никогда.

*Сочинил Михайла Угрюмов
ученик Императорского Московского университета:
вашего высокородия всеусерднейший слуга*

Панегирик

Дворянину и Философу Господину Бригадиру
Федору Ивановичу его высокородию
Дмитриеву Мамонову
с истинным и низжайшим почтением принесенный

Дерзновение, которое я восприял, краткии составить панегирик сему отменному и в человеческом обществе редкому мужу, несть плод подлой страсти лицемерия или човекоугодия по собственному и безпристрастному моему в том признанию; хотябы другие и иначе о сем разсуждали, ибо безчисленныя неимея счастья или ревностнаго усердия достигать до совершенств в других примечаемых, с немалым огорчением слушают похвалы достойным приписываемыя; и от ненавистной нетерпеливости часто похваляемых и похвалителей порочат, а сие, естли обстоятельно и справедливо разобрать, ддятого толко произносят, чтоб гнустность своих пороков и собственной в изрядных качествах прикрыть недостаток, но сие дерзновение есть жертва чисто || сердечнаго признания и должнаго почитания к добродетели в добродетельных людях сияющая, и собственную красоту смертным являющая.

Самая справедливость требует, прекрасныя пристойных похвал соплетать венцы, достигнувшим до великих совершенств.

Похваляя бо добродетельнаго, похваляем добродетель; похваляя добродетель, похваляем первоначальную добродетели причину а что изпротивнаго сему следует о том благоразумные сами могут произвестъ справедливое умозаключение.

Признаюсь, что чрез сие начертания блистание добродетели, славу оною украшеннаго и важность их увеличить не могу да с тем намерением оныя пишу; чтоб зделать руководство и сильное поощрение к подражанию могущим подражать со уважением здесь воспоминаемому.

В предприиятом деле мог бы другой род слога для приятности употребить и пристойныя к тому совокупить прикрасы но как думаю что волность мысли и обилие понятия удобнее можно прозою нежели стихами изобразить, хотя с меншею красотою: и потому прозаичной род слога избрал притом на что там изящную делать метрическую в слогах прикрасу, где простои слог, добродетель в ея сиянии представить, примерному ея рачителю ||³ должную похвалу принести и в прочих побуждение к тому же произвестъ может естли последовать всегда употребляемому Российских дворян обыкновению, по которому не без основания знатностью своих предков и собственною славятся фамилиею то фамилия дмитриевых мамоновых знатностию своея породы многих фамилии превышает она своею древностию мало что не равняется самому России началу и не за одно сто лет наперед свое имеет начало Ея предки ревностию Российским Государям и всему Отечеству услугою всегда отличны были: были удостоены отменных царских милостей и своими трудами кровавым своим потом себе и всему потомству неумирающую заслужили славу. Сие едино преимущество приносит ему честь превосходнейшею пред дворянством многих.

Преславны Ея потомок и краса своея фамилии боярин ФЕОДОР нестолько славою своих прадедов сколько собственными заслугами и вновь им приобретенною добродетелию славится; чего другия иметь или сил или вожделенныя не имеют участи.

ОН храм славы не напеске тщеславия, но на камне своего⁴ достойно подражательнаго || к Российским монархом и ко всему отечеству усердия горяция любве, в службе верности и непоколебимаго постоянства основывает. Осем всякому за несумнительно доказывает знатной тот Ранг или превосходителной Чин которой от ИМПЕРАТОРСКИХ Священнейших и величественных особ в разсуждении его великих и ревностнейших заслуг пожалованныи имеет. Но зная, что знатная природа, чин и богатство не всегда человека счастливым делают по тому, СЕИ МУЖ по своему благоразумию вторым славы основанием, правителем дел, утешением и спутником жизни избрал себе любомудрие, не без удивления дворянства внимательным оком на него взирающаго.

Какое кто хочет сему имени полагаи определение: но я под именем любомудрия разумею в сем месте впервых знание вещей натуральных, моральных и божественных; да притом не только теоретическое, но и практическое в высоких науках упражнение.

Знаю, что весьма обширно представлено сего любомудрия описание: но я должен оное уравнивать не со обыкновенным о нем понятием, но с тем, каковое во оном дворянино философе имеется.

Что касается до наук светских, то ОН как бы к наукам рожденный, от самых младых лет себя посвятил и душевные естественные силы устремил || к достижению просвещения и 5
наполнения себя свободных наук познанием с беспримерным рачением во оных упражнялся и до желаемого достигнул совершенства. ОН может писать и говорить на разных диалектах проворно, ясно и безогрешительно: в натуральной истории искусен в нем можно наитить хорошаго математика и изряднаго философа. География и историография у него всегда пред очами: Ему и химическия правила и опыты не неизвестны, знает вкус и силу в живописи: но при всех превосходнейших оных его знаниях в нем еще высокии дух поэзии обитает.

Собрание изчисленных наук и ясное об оных сведение что бы в одном человеке так, как в нем есть видимо, вмещалось, для многих было бы неимоверно: есть ли бы о том не доказывало его сочинение многим вождеденное называемое ПОЕМА РОССИИ: в котором сияет Его разум, и в высоких собственно до философа принадлежащих знаниях, превосходство Его ясно и верно доказывает. Изрядное то сочинение преславную древность и преемственное Российских царей и Монархов благочестие проповедует, которым они пред всеми в свете венчанными главами славятся ТА ПОЕМА громогласней всякия трубы провозглашает торжественныя Россов над неприятелями победы, пространныя завоевания и российскую напол||няющую свет славу. В ней 6
описаны Российския обычаи, свойства климата и народа и превосходствъ дворянства пред Римским и других держав: в ней все вмещено, что было возможно постигнуть острому и пронизательному уму; да и с такою пространною ясностию и приятным складом описано, какои можно надеяться от преизящнаго российского Историка и высокаго Пииты прославляющаго свое отечество и славу своих Государей.

Но кто поверит, что сей философ к славе своего имени еще закон моральной и свободных дел правило так твердо и ясно знает, что как бы в том единственное имеет упражнение. Он сие знание старается доказать своею жизнью сообразуя свободныя свои действия святым оным правилам. Он последуя примеру древних философов препровождает дни свои во многоделном уединении: во многоделном, говорю, ибо теоретическое и практическое Его в науках упражнение занимает все Его часы; повсечасно с миром и плотно бранствует и их побеждает. Плоть побеждает воздержанием; а мир побеждает тем: что все, что в мире есть редкое приятное и прелестное к себе собрав и на оное взирая ничем не прелщается и есть храбры оных врагов победитель и непобедимыи Герои. ОН со стороны спокойственнаго и побежденнаго своего уединения внимательным оком 7
взирает на су||тность человеческих страстных желаний на коло-

вратство счастья: а потому онаго не ищет видит бедственный часто фортуны играя, а сам она не усташает: примечает колеблющиеся свирсныя житейскаго моря волнования а сам безбедственно оно море прешлавет; и посреде человекоев пребывая поистине выше человечества быть кажется, будучи не прикосновен и подвержен несчастным приражением. Все сие велико и дивно: но подлинно.

В прочем, по силу общаго присловия конец всему делу венец: и для того дворянин и философ свою фамилию, дела и жизнь украшает и увенчивает тем и ко всем своим весьма блистательным добротам сие удивительное присовокупляет сияние: что и о богословии имеет доволное сведение, и хорошим богословом по справедливости назваться может. Знания вещи и истин божественных, и собственно до богословия принадлежащих не во Академиях заимствовал; да из собственной всеми зримой библиотеки почерпнул он доволно знает существенное содержание и главнейшия догматы Грековосточной православнокафолической нашей христианской веры; и умеет различать оную от прочих неправоверных Сekt, как то Папистической, Лютеранской и Калвинской не упоминая о нечестивом и бусурманском Махометанстве. И уже да поспешиит Господь всдеиствующую свою благодатию благому Его предприятію, намерение твердое положил и дело начал составлять преславную Поему Грековосточнаго Христианскаго благочестія, к Его и всех оно в незазорно совести сохраняющих славе, а к постыждению противников православныя нашей веры.

Там то постыждены Паписты, что из Единаго любочестія отделились от Правовой Грековосточной Церкви: и лучше ставят в своем будучи суемудрии и ожесточенном непокорстве погибать, нежели чтоб смиренно покорившись быть в единомыслии с нашею церковію и несумненную о своем спасении иметь надежду.

Постыждены там будут Лютеране, что они с своим начальником избегая папских суеверий забегли в Лабиринт чрезмернаго и опаснаго мудрования; и от крайности в крайность перешед, средняго и спасительнаго пути или не нашли, или сластолюбием пленены, по оному итить не похотели будут они постыждены, что безрассудно или паче злобно отрипув спасительныя святых и богоугодных отец предание слепо в своих умствованиях развращенному и соблазнительным человекоугодия пристрастием зараженному паставнику последует, и незванному ниже || посланному благовестнику повинуетя: а кальвинство с своими зловредными вымыслами от справедливаго его обличения уже совсем будет покрыто срамом. Все такія различныя обличения и изъяснения представляют не с другим намерением, как толко чтоб противники наши познав свое заблуждение, на прямой спасительныя истины путь обратились, и с ними Единными усты и единым сердцем Грековосточную кафолическую по всему ея содержания веру исповедали и святых Отец предания содер-

жали чтоб в единой с ними правоверной и православной пребывали церкви, вне которой, как вне Ноева ковчега пребывающим спастися не можно.

Толь преполозное сочинение и по содержанию нужное, есть ли бы за спомоществованием верховнаго церкви правителя удостоилось свет видеть: то общество христианское безмерно б удивилось и должною бы навсегда славою прославило. Оное сочинение честь делает христианству и правоверным Россам, а сочинителя представляет обществу изрядным богословом, правоверия поборником и благочестия защитником. Сего титула всех титул и наименовании несравненно превосходнейшаго и дражайшаго по народному признанию хотя еще и не имеет, но иметь оное достоин; и сие достоинство самим делом свету доказать предприял. Приписывая здесь похвалы во добродетельных и прочих преизрядных качествах сияющему || разумом мужу, тем более состоит истинными и без наималеишаго представленными лицемерия: чем подлиннее они утверждаются насамом здравом и неоспоримом эксперименте. Да и сочинитель сего панегирика в изчислении дел и похвал его недалеко простирался но сколько позволяла без пристрастная справедливость зная, что несправедливыя похвалы сочинители порочат, да и хвалимых сияние славы неувеличивают, да помрачают и так слово мое неукрашал употребляемыми от других слов цветами, полагаясь более на истину и природную добродетели красоту, которая в ен рачителе сияет и представляет его обществу примером подражания достойным.

Писал Церкви Похвалы Богородицы что в Башмакове священник Василий Соловев

Резал Василев Иконников